

АННА МАМАЕННО
Родилась и живет в Красно-
даре. В 2005 году окончила
Литературный институт. Член
редколлегии молодежного
литературного журнала
«Южный маяк».
Гран-призер и победи-
тель в номинации «Поэзия»
Всероссийского литератур-
ного фестиваля-конкурса
молодых авторов имени
А. Чижевского (Налуга, 2021)
и других конкурсов.
Автор поэтических сбор-
ников «Некрополь еретинов»
(2011) и «Рыбовладелец»
(2022).

*Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).*

УСПЕНИЕ

О своем небинарном внегендерном феминизме
расскажи, давай, старой шпалоукладчице бабе Мане.
Высокие груди ее, как знамена Победы, выцвели и обвисли,
и креозотом пахнут, сколько ни отмывай их.
У нее под ногтями земля братских могил Поволжья.
Под красным покровом косынки тощая почва с приметами пепла и тлена.
Она ворочает шпалы. Ты ходишь в свои ривгоши. Мажешь себя герленом.
Баба Маня баюкает шпалы, напевает им колыбельные песни,
чтоб лежали в земельке тихо, неспешно гнили
до ее второго пришествия. Свято место
очень быстро пустеет, если все о тебе забыли.
Но, куда ни глянь, – повсюду ее работа,
из победного мая в ласковый сокращающая расстоянье.
И одни на всех, как Победа, ее ворота.
Грязные руки.
Остывающее дыханье.

* * *

Воздушные замки имеют ноги,
стоять надоест – и они уходят,
на песке выдавливая узоры –
формочки пряников печатных –
это все, что от них остается...

Воздушный замок, пугливый страус,
перья твои постоянно в моде.
Пустыни желтого одеяла
тебе не хватит, чтобы укрыться...
Просто зажмурься... Идет сафари.

Воздушные замки верят в преданье:
последний романтик умрет в пустыне.
Но перед тем, как его не станет,
в песок успеет голову спрятать...
Гладкий яйцеобразный череп.

* * *

В краю полуночных стрекоз,
среди прекрасных суеверий,
брести неведомо куда,
покуда посох не расцвел.
Пока не кончился песок,
что был судьбой тебе отмерен.
Пока Серебряный Стрелок
через ручей не перешел.

В краю разрушенных преград,
поросших музыкой древесной,
птенец реликтовых кровей
покинет лунное гнездо.
И, устремившись за тобой,
неважно – пулей или песней,
в твоей доверчивой руке
найдет сомнительный постой.

Нести живое серебро
сквозь толщу вызревшего мрака,
чтоб тихо торкалось в ладонь,
сжигая пальцы до костей.
Чтоб нежность с болью пополам,
до восклицательного знака,
до многоточия следов
в квадрате канувших вестей.

Косноязыкий треск ветвей
за космоликим полубогом.
Лишь окна высохших стрекоз
на вдавленном речном песке.
Смотри – Серебряный Стрелок,
сутулясь, вышел на дорогу.
Покойно лунному птенцу
в твоей разжавшейся руке.

КОЛОБОК ИЗ РОДА КОЛОБКОВ

Рассохшейся дверью, вином в погребах – я вернусь.
Как волны и звезды. Как ветер, по-южному буйный.
Как вопль петушиный, ударивший в спину. Как грусть,
когда загремят жестяные листья июля...

Написанный начерно. Собранный из лоскутков.
Когда-то поверивший в то, что живой, чародею.
Сметен по окрестным амбарам. Продолживший род Колобков.
Пытающий взглядом: «Ну, кто меня съест поскорее?..»

Да только не взяли ни волк, ни медведь, ни лиса.
Ни прочая банда млекопитающих тварей.
Катись, Колобок... Сколько влезет, меняй адреса.
Ты накрепко влип в похмельную хронь Краснодара.

Ты стал элементом фольклора реки Кара-Су,
смирненной и брошенной в трубы, другим для примера.
Бегут Колобки. Колобокие мысли несут.
И от наряда полиции тошнит не одних модельеров.

Прокуренный Город, блюющий от бульдозеров.
От черных риелторов, белых и красных бандитов.
Где на трамвайных колесах всегда выпадает зеро,
и даже медкарта твоя неминуемо бита.

Уходишь от дедки, от бабки, налогов и проч. –
сферический воин из древнего рода героев –
в наследную, круглую, колобродящую ночь.
И только амбары горят за твоею спиною.

ЯБЛОЧНЫЙ СОК

На листьях проступающие лица
невывразимо тихи и грустны,
как пассажиры затонувших пароходов.
Они узнали, как текут года...
Качается застывшая вода –
прозрачный маятник
утраченной природы.

А там, где нас выносят из окна,
босых, накрытых мокрыми афишами, –
трамвайным звоном улица полна,
и давится случайная Луна
еще горяченькими пряничными крышами.

И вздрагивают руки фонарей,
и мы качаемся на них, как настоящие.
И лезет свет из-подо всех дверей,
и пишет то, как звали во дворе,
и даты наши на почтовых ящиках...

А мы летим. И вырастает сад.
Мы исчезаем за его оградю.
Как будто пчелы дикие летят,
и падает тяжелый аромат,
как занавес. И с нас афиши падают.

И падают, задетые плечом,
янтарные, испуганные яблоки.
На месте пуповины кругл зрачок,
и сонным соком из него течет
река. И медом тянутся галактики.